

Сяо Чэнцзы указал на тыльную сторону ладони Баи Яня, и его фиалковые глаза уставились на него, требуя ответа.

— Это родовой тотем главы. — Узоры на тотеме неизменны, но буквы на нём меняются в зависимости от имени текущего главы.

Сяо Чэнцзы протянул собственную гладкую и белую тыльную сторону ладони.

Хочу.

— Нельзя. — Абсолютно нельзя!

Какой ещё омега станет носить на теле всякую мазню?

Амулет семьи Бай: всякая мазня.

Тотем главы: всякая мазня.

— Хм.

Чэн Юй вылез из его объятий, уткнулся лбом в стену и перестал обращать на него внимание.

Охватив ладонью его подбородок, Бай Янь заставил его поднять голову и посмотреть на себя:

— Мне нужно идти на совещание, Опу побудет с тобой, если что-то понадобится, скажи Сальваторе — я узнаю.

Слегка надавив ему на голову, чтобы убедиться, что малыш усвоил его слова, он повернулся и вышел из комнаты.

Почти одновременно с этим Опу и Мейцуй втащили внутрь сундук.

Они всё ещё помнили о грандиозном деле, которое вчера сорвалось.

— Маленький предок, только посмотри! — Опу вытащил из сундука налобное украшение.

Эта штука совершенно точно идеально подошла бы маленькому предку, и Опу не удержался от восторга: живая же кукла, как есть живая кукла!

— Надеть. — Сяо Чэнцзы указал на собственную шею.

— Нет, его надевают не сюда, а вот сюда.

Опу закрепил налобную цепочку у него на лбу. Чароит каплевидной формы был точно такого же цвета, как его зрачки, а сложная и уникальная текстура камня ясно говорила о его редкости и ценности.

Два года назад Опу выкупил этот необработанный камень на аукционе, вбухав в него все свои сбережения и даже оставшись по уши в долгах, но, к счастью, его чутье никогда его не подводило.

Стоило распродать лишь обрезки и крошки, как прибыль выросла вдвое, и несколько ночей подряд он просыпался со счастливой улыбкой во сне — вот только висевший над ним долг порядком портил настроение.

Внезапно в голове у Опу мелькнула искра озарения, и он с плутовским выражением уставился на Сяо Чэнцзы, который от усердия даже слегка скосил глаза, замороженный драгоценным камнем у себя во лбу.

— Предок, нравится?

Сяо Чэнцзы кивнул:

— Красиво!

— Хочешь, чтобы дядя Бай купил тебе его?

Сяо Чэнцзы покачал головой.

— Что значит «покачал головой»? Не надо? Да не придется дяде Бай платить своими, я сам отдам ему деньги, а он просто закроет мой долг, и всё, — засуетился Опу, спешно пытаясь объясниться.

— Обмен.

Чэн Юй вбежал в комнату и мгновенно выбежал обратно.

?

— На. — Ладонь раскрылась, и на ней лежали два рубина размером с ногти на больших пальцах.

Шик!

Опу судорожно втянул воздух. Красные алмазы редки, но по его опыту, камни на ладони Чэн Юй обладали куда более глубоким оттенком, чем красные бриллианты — они походили на голубиную кровь, но были еще чище и прозрачнее.

Он мог поклясться чем угодно: подобных драгоценных камней еще не бывало на рынке.

Стоило вынести хоть один из них наружу, как его стоимость вмиг превзошла бы ценность этого чароита во много-много раз.

— Предок! — Этот возглас прозвучал куда болеетельно почтительно, чем предыдущие.

Опу пододвинулся ближе, выпрямил спину и обеими руками бережно поддержал протянутую перед ним ладонь, вылитый фанатичный адепт какой-нибудь секты.

— Откуда они у вас?

Чэн Юй указал на собственные глаза и изобразил жест плача.

— Ась? Чего?

— Свали, это не та добыча, которую твоя пасть способна удержать! — Не успел Опу додумать хоть до какой-то мысли, как его прервало неуклюжее свиное тело Мейцуй.

Птицу с размаху шмякнуло о стену, и она сползла вниз, а ее глаза-бусинки бессмысленно завращались.

Но черныш быстро тряхнул головой, приходя в себя, взлетел на макушку своему хозяину и устался прямо на ладонь Чэн Юй. Всё сверкало и переливалось, а эта сверкающая и безумно дорогая блестяшка обладала для ворона просто смертельной притягательностью.

— Уберите всё сами, спрячьте понадежнее, лучше всего запирайте в сейф дяди. — Сам он еще мог рискнуть головой, но вот эти два камня — ни за что.

Прихлопнув ладонь Чэн Юй, чтобы тот поскорее забрал их обратно, Опу похлопал себя по груди: не то чтобы испугался до смерти, нет — просто потрясение вышло слишком уж масштабным.

Как бы сильно они ему ни нравились, это сокровище стоило больше, чем он смог бы выплатить, даже обанкротившись.

— Обмен.

Сяо Чэнцзы стоял на своем и, выбрав один камень, сунул его Опу в руку.

— О-о-у. — Опу, роня слезы, бросился вперед. До глубины души тронутый: все остальные норовили только отнять у него сокровища, и лишь маленький предок вдобавок норовил отдать взамен что-то еще более дорогое.

— Грязно. — Сяо Чэнцзы презрительно поморщился и велел Сальваторе оттащить его прочь.

— Кар! — Опу остолбенел. Да он чистый!

Ладно, с этого момента всё, что бы ни сказал маленький предок, — закон.

Сяо Чэнцзы ссыпал оставшиеся камни обратно в баночку. Он собирался подарить их остальным, когда появится третий.

Интересно, когда же они снова выпадут? Чэн Юй потер глаза.

— Вот это, и это, всё твое! — Опу принялся рыться в своем огромном сундуке, выбирая с десяток украшений, которые подошли бы Чэн Юй.

Сяо Чэнцзы даже глаза разбежались — всё так и сверкало.

Он унизал кольцами все пальцы, навесил ожерелья, а эту штуку... ладно, ее тоже нацепил, раз не знает, что это.

Когда Чэн Юй улыбался, на его щеках проступали две крошечные мягкие ямочки, словно парочка весенних цветов, распутившихся и заигравших на его лице.

Быть может, судьба и закрыла перед Чэн Юем какое-то окно, но в том, что касалось внешности, она точно не поскупилась. словно любящий родитель, вкладывающий душу в каждое движение, создатель выписал каждую черточку с неповторимым мастерством.

Опу смотрел на него как зачарованный, впервые в жизни проклиная собственную природу омеги. В конце концов, если отбросить условности, неужели омеги действительно не могут быть вместе?

— Эта штука надевается вот так. — Опу помог спрятать украшение под одежду.

Закончив, он украдкой бросил на него взгляд — о нет! Того и гляди носом пойдет кровь.

Даже шелковая пижама не могла полностью скрыть ту жемчужную цепочку.

Шик!

— Дядя Бай вернулся, я сбегаю. Маленький предок может показать всё дяде Баю.

Опу подхватил свой огромный сундук и бросился к выходу — задерживаться здесь дольше было нельзя, от напряжения у него едва не зашкалило давление.

Бросив мимолетный взгляд на подчиненного, который едва не сбил его с ног, Бай Янь даже не стал с ним возиться: каждый божий день одно и то же, ни минуты покоя.

— Дядя Бай.

И снова это обращение.

— Кто тебя научил... — Не успел он договорить...

Тилинь! Ваша сияющая малышка Чэн Цзы доставлена.

На нем висела целая гирлянда всякой всячины.

Бай Янь шагнул вперед и принялся сдергивать с его шеи нагромождение ожерелий, а заодно снимать кольца со всех десяти пальцев.

Но фиолетовый камень на лбу шел ему настолько безупречно, что трогать его Бай Янь не стал.

Блик на браслете озарил квантофон, пришло сообщение: Дядя Бай, чароит помогает успокоить нервы, его можно носить каждый день как браслет, не благодарите. Просто верните долг Бай Лишу за меня.

А следом шло уведомление о переводе: Вам поступил перевод на сумму 400 000 000 звездных монет.

Ха, а этот прохиндей решил пожить за счет малыша.

— Пойдем, переоденешься, отвезу тебя развлечься. — Бай Янь убрал квантофон и, взяв Чэн Юя за руку, повел его обратно в комнату.

Холодные, бледные и длинные пальцы замерли у пуговиц на рубашке, и взгляд Бай Яня

невольно опустил на него.

Увидев открывшуюся картину, он судорожно втянул воздух, пытаясь унять учатившееся от волнения дыхание.

— Кто тебе это надел?

— Ворона. — Сяо Чэнцзы без малейших угрызений совести сдал воронью голову.

Бай Янь уже не воспринимал никаких звуков, его темно-красные глаза жадно блуждали по чужому телу.

Жемчужины размером с маковое зернышко были нанизаны на тонкую цепочку и при каждом легком движении естественно покачивались вниз. На самом конце этой цепочки красовалась еще более изящная крошечная бусина, казавшаяся источающей какое-то особенное сияние.

Пусть это украшение и не было самым роскошным, от него исходило ощущение сдержанной, утонченной дороговизны.

— Тебе нравится. — Сяо Чэнцзы сделал маленький шаг вперед.

Слишком близко. Между ними оставалось меньше ладони, и Чэн Юй отчетливо чувствовал его тяжелое дыхание.

Бай Янь опустил голову, прижавшись щекой к плечу Чэн Юя:

— Что мне с тобой делать?

Мысль о том, чтобы перестать быть человеком, становилась в голове Бай Яня всё отчетливее, а жар внизу живота неумолимо подтачивал остатки его разума.

— Закрой глаза, хорошо? — Голос, полный скрытого искушения, раскатился по комнате.

— Не бойся.

Широкая ладонь накрыла глаза Сяо Чэнцзы, и в наступившей темноте особенно отчетливо зазвучали влажные запахи сырой земли и древесной смолы, словно нашептывая какую-то древнюю тайну.

*

Бай Янь посмотрел на свое отражение в зеркале и невольно усмехнулся: надо же, потерял самообладание прямо как какой-то семнадцати-восемнадцатилетний юнец.

По комнате плыл тонкий аромат ветивера.

Приняв прохладный душ и все еще источая вокруг себя морозную свежесть, Бай Янь вышел и увидел, что Сяо Чэнцзы по-прежнему стоит на том же месте, застыв в оцепенении.

На лице не было ни единой эмоции.

Неужели он его испугал?

— Твое отношение к тому, что только что произошло... тебе неприятно?

Всегда решительный и беспощадный дядя Бай в этот момент выглядел почти растерянным.

Но спроси его кто-нибудь, жалеет ли он о случившемся — ответ был бы категорическим нет.

И пусть никто не смеет говорить ему, что всё произошло слишком быстро: дядя Бай считал, что он и так держался из последних сил.

Чэн Юй слегка опустил веки, и его густые ресницы отбросили две крошечные тени на белые щеки.

Захотелось пить.

— Дядя Бай, я хочу пить.

Бай Янь послушно бросился выполнять просьбу безо всякого ропота — особенно после того, как только что натворил дел, за которые было совестно.

Он заварил ему чашку медовой воды. Перед уходом он велел Лотти занести Чэн Юю миску легкой каши, но сейчас, взглянув на нее, он понял, что к ней даже не притронулись.

Цепочки он уже снял и сложил обратно в шкатулку, освободив под украшения Чэн Юя ящик в гардеробной, где обычно лежали часы, и аккуратно разложил всё по местам.

Налобную цепочку он тоже отвязал и трижды обернул вокруг запястья, завязав на узел.

Затем он натянул на него аквамариновый вязанный свитер с высоким горлом, шарф и пушистую

куртку из овечьей шерсти.

— Много. — Сяо Чэнцзы запротестовал.

Протест отклонен. Прижав его руки, пытавшиеся развязать шарф, Бай Янь отрезал:

— Не много, мне даже кажется, что маловато, — и поплотнее запахнул его шарф.

Скоро им предстояло выйти в открытое море, а морской ветер в такую погоду — шутка далеко не шуточная.

Взяв его за руку, он повел его вниз по лестнице, а по пути мимоходом сунул ему в кухню еще не остывший булочку с фиолетовым рисом.

— Ешь, сейчас поедем играть на воде.

Сяо Чэнцзы панически боялся воды, но обожал в ней возиться.

Он грыз булочку размером с ладонь всю дорогу, пока машина не остановилась у причала, и как раз доел последний кусочек.

—

Дядя Бай: А вдруг я его напугал?

Сяо Чэнцзы: Хочу еще раз.

<http://bllate.org/book/22320/2337264>